

Шкала элитности

«Не хотелось выносить сор из избы, как говорится в поговорке, но приходится, ибо действия зам. директора НИИ электронной интроскопии Томского политехнического института А. И. Щербакова вышли за рамки терпения».

Это из письма сотрудников института трехмесячной давности в областной комитет народного контроля. Далее следует перечень всего того, что, по мнению авторов, «выходит за рамки терпения».

Рассмотрение этого письма областной комитет поручил органам народного контроля ТПИ, которые убедились, что перед ними тот случай, когда следует вести речь не просто о рамках терпения, а о грубейших нарушениях государственной дисциплины. Внимательно рассмотрев все обстоятельства, группа народного контроля НИИ электронной интроскопии пришла к заключению, что А. И. Щербаков по своим деловым и личным качествам не может занимать пост заместителя директора НИИ по административно-хозяйственной работе.

Судя по тому, как реагировал на эти выводы комиссии директор НИИ профессор В. И. Горбунов, он тоже решил распрощаться со своим заместителем, но несколькими путем, чем предлагали народные контролеры. Последовал ряд приказов, логику которых проследить весьма трудно. Так, 22 октября приказом № 191 А. И. Щербаков освобожден от занимаемой должности (правда, по заявлению самого зам. директора), затем в середине ноября ему предоставили очередной отпуск. Когда же, спустя месяц, я пришел в НИИ, чтобы все же выяснить, чем завершилось дело Щербакова, основательно разбухшее в папках народного контроля, бодрый, посвежевший за время отпуска Анатолий Иванович, вернувшийся с курорта, где он отдыхал по бесплатной путевке местного комитета ТПИ, торопился с докладом к руководству о благополучном прибытии.

Парадокс заключался в том, что уволенный почти два месяца назад А. И. Щербаков (если верить приказу № 191) обиженно жаловался на недооценку его усилий на посту зам. директора, на козни против него и угрожал, что не сегодня, так завтра подаст заявление об уходе из этого неблагодарного коллектива.

Теперь дирекция ТПИ утверждает, что все дело лишь в том, что где-то на каком-то этапе несовершенный механизм оформления кадров не сработал, и потому все выглядел так, что вроде бы уволенный, по представлению народного контроля, А. И. Щербаков все еще числится на работе в НИИ и даже пользуется бесплатными путевками.

Я не собираюсь здесь бес-

конечно описывать этот «жареный» факт. Но подчеркнуть, что курьезное «увольнение» А. И. Щербакова логически вытекает из всего, мягко выражаясь, поощрительного отношения руководства к Анатолию Ивановичу, — обязан. Доказательств тому множество. Вот еще одно.

Профбюро рассматривало представление администрации о премировании сотрудников, в числе которых был и А. И. Щербаков. Профбюро не сочло возможным согласиться с этим представлением, поскольку зам. директора транжирит государственные деньги, плохо организовал работу транспорта, груб с подчиненными и т. п. Это не насторожило руководителя НИИ. Более того, он издал отдельный приказ о премировании своего заместителя без санкции профбюро, в обход существующего порядка. Бухгалтерия НИИ совершенно резонно приостановила действие этого приказа, и тогда А. И. Щербаков обратился с заявлением к вновь избранному составу профбюро с требованием все же санкционировать его премирование.

Монолог А. И. Щербакова, произнесенный им на этом памятном всем в институте заседании профбюро, в своем роде уникален. Признаться, не приходилось ранее встречать подобного откровения человека, уверовавшего, что все его махинации в обход требований государственной дисциплины являются высшим проявлением служения обществу. Вот лишь некоторые фрагменты: «Приходится обращаться к своим друзьям, слава богу, выручают. А ведь так просто ничего не делается: идешь по делу — бери бутылку спирта... Сколько я делал всевозможных нелегальных дел — ведь вы всего этого не знаете, — вы думаете, все это так просто».

Это было сказано в защиту своего права на премию.

Директор НИИ В. И. Горбунов тоже не сумел отличить хозяйственную предприимчивость от делячества, протекционизма, беззакония, состоящих в арсенале его зама, и настойчиво добивался ему премии.

Поводом для «материального стимулирования» А. И. Щербакова послужила операция, проведенная им на исходе лета нынешнего года в Алма-Ате, операция, которой институтские остроты присвоили кодовое название «УАЗ». Прослышал А. И. Щербаков, что алма-атинский завод «Казгеофизприбор» специализируется на оборудовании автомашин марки «УАЗ» поисковыми станциями для разведывания запасов пресных вод. А. И. Щербаков, прибыв на место, с горечью убедился, что отпускаются эти специализированные машины по строгим разнарядкам министерства геологии. В то же время выяснилось, что «Казгеофизприбору» позарез нужен деловой лес. Анатолий Иванович ни на минуту не сомневался, что в Томске он раздобудет лес, и тут же пообещал двести кубов. В

действие вступила известная система: «ты — мне, я — тебе». А. И. Щербакову не стоило большого труда получить из строго фондируемых запасов комбината «Томлес» требуемое количество леса, добыть всегда строго лимитируемые вагоны, отгрузить древесину в Алма-Ату, а оттуда доставить в Томск автомашину со специальным оборудованием. И не одну, а две (вторую — для ТПИ).

Скажут: Щербаков не для себя старался, а за дела радел. НИИ ведь позарез нужен транспорт.

Согласиться с этим никак нельзя. Есть документы, свидетельствующие о том, что автомашины в НИИ использовались А. И. Щербаковым как личный легковой транспорт. Я видел путевые листы, из которых явствует, что, как правило, в субботу и воскресные дни их пробег «по городу» составляет 300—350 километров, а в будни — все по тому же городу — по 250 километров. Ревизоры не часто встречаются с подобным. Им еще предстоит выяснить, что здесь откровенная «липа» для незаконного списания горючего, а что отнести к злоупотреблениям в использовании транспорта.

Если к этому добавить, что за «УАЗ», приобретенный в Алма-Ате, заплатили втридорога, что сразу же по прибытии автомашины в Томск из нее вытащили все оборудование поисковой геологической станции, стоимость которого составляет две трети всей суммы, заплаченной за «УАЗ», и мертвым грузом сложили эту станцию на многострадальный баланс НИИ, то характер алма-атинской операции А. И. Щербакова, претендовавшего на соискание премии, станет абсолютно очевидным.

Как же могло случиться, что А. И. Щербаков — молодой человек, начинающий руководитель, молодой коммунист — счел подобную откровенно порочную практику хозяйствования общепринятой нормой? Более того, он не перестает удивляться тому, что его пытаются усилить группы народного контроля привлечь к ответственности, как ему кажется, за добрые дела.

К сожалению, есть немало свидетельств тому, что в НИИ электронной интроскопии политехнического института стало чуть ли не правилом распоряжаться огромными суммами, ассигнованными для финансирования научно-исследовательской работы, не в рамках, определенных требованиями государственной дисциплины, а как того пожелают ответственные руководители. Особенно крупные нарушения допускаются в исполь-

зовании смет на хозяйственные темы.

В делах бухгалтерии НИИ есть трудовое соглашение, из которого следует, что в качестве совместителя и исследователя по теме хозяйственного № 113/68 привлечен к работе в институте старший научный сотрудник СФТИ Л. Е. Попов. Когда я показал этот документ научному руководителю темы доценту Б. Н. Епифанцеву, тот недоуменно развел руками и счел необходимым дать следующее письменное заключение для редакции: «1. Я, как научный руководитель х/д 113 / 68, о заключении данного трудового соглашения в известность поставлен не был. 2. В календарном плане предусматривается проектирование Л. Е. Поповым дешифратора сигналов. С точки зрения задач договора это могло быть выполнено студентом соответствующего профиля, что и было сделано в действительности. Разработка схемы селектора ложных сигналов вообще договором не требуется».

Выяснилось, что Л. Е. Попов был зачислен в штат НИИ в качестве старшего научного сотрудника-совместителя по соображениям, не имеющим никакого отношения к теме Б. Н. Епифанцева. Вот черным по белому написанное В. И. Горбуновым указание главному инженеру В. Ф. Шумихину: «Прошу оформить тов. Попова Л. Е. на полставки по теме ректора. Разрешение ректора имеется».

Действительно, Л. Е. Попов, специалист в области теории дислокации, был привлечен для рецензирования, а затем и научного редактирования обширной монографии ректора ТПИ профессора А. А. Воробьева на тему: «Накопление нарушений и разрушение минералов и горных пород». Действительно, Л. Е. Попов провел немалую по масштабу работу над монографией более чем в 25 печатных листов, которая заняла у него уйму времени в течение полугодия. Нет сомнения, что этот труд достоин значительно большего вознаграждения, чем это определено в ТПИ. Но почему все это делается за счет заказчика по хозяйственному № 113/68, не проявляющего никакого интереса к теме монографии и не имеющего к ней никакого отношения?

В процессе подготовки этой статьи мне посчастливилось познакомиться с Леонидом Евгеньевичем Поповым. Я говорю «посчастливилось» потому, что общение с этим специалистом, человеком, на протяжении многих лет талантливо работающим в одной из сложнейших областей современной физики, автором фундаментального труда, выходящего в свет в скором времени в Москве, доставляет огромное удовольствие. Он согласился прорецензировать и отредактировать монографию, даже не предполагая, что ему предложат вознаграждение, тем более вознаграждение, так топорно оформленное. Обидно, что коллеги Леонида Евгеньевича из

ТПИ не проявили должного такта во взаимоотношениях с серьезным ученым, зафиксировав в архивах НИИ, будто Попов взялся за дело на уровне студенческой курсовой работы.

Я написал, что мне посчастливилось познакомиться с Леонидом Евгеньевичем еще и потому, что он относится к людям, серьезно и глубоко размышляющим над проблемами организации научных исследований, над этическими нормами поведения ученого. Хочется рассказать читателю о некоторых мыслях Л. Е. Попова, высказанных им в редакции:

— Известный закон Лоттки позволил Диреку Прайсу разработать так называемую «шкалу элитности» ученых. По этой шкале к первой группе Прайс относит ученых, имеющих свыше десяти работ, ко второй — свыше ста, и третьей — свыше тысячи научных работ. Если мне не изменяет память, Прайс считает «рекордсменом» Леонарда Эйлера — ученого-одиночку, жившего в XVIII веке, на счету которого около семисот работ.

— Я думаю, что в наше время, когда ученые — организаторы коллективных научных исследований — располагают условиями, не сравнимыми с теми, в которых работал Эйлер, нужны новые критерии, нужны новые формы организации, учитывающие не только чисто научные результаты, характер финансирования исследований, а и, разумеется, моральные и этические нормы взаимоотношений в коллективе. Увы, мы еще мало думаем над этими проблемами...

Хочется несколько подробнее остановиться на том, что Л. Е. Попов называет этическими нормами. Они ведь проявляются всегда, даже тогда, когда речь идет о самой простой служебной, административной или хозяйственной сделке.

Несколько месяцев назад в штат института, возглавляемого профессором В. И. Горбуновым, были зачислены двадцать два сотрудника другого НИИ, возглавляемого профессором Е. К. Завадовской. При этом было заключено соглашение между двумя институтами о том, что институту проф. Горбунова передается часть трех хозяйственных тем. Соглашением оговорено, что все работы выполняются сотрудниками профессора Завадовской, которая осуществляет научное руководство, научно-техническую и финансовую отчетность. Что же остается НИИ профессора Горбунова? Только выплачивать зарплату сотрудникам Е. К. Завадовской.

Нет никаких доказательств тому, что эта операция вызвана серьезными научными соображениями. Подоплека «соглашения» в другом. По схеме должностных окладов, утвержденных для НИИ электронной интроскопии, есть возможность сотрудникам профессора Завадовской искусственно установить больший размер зарплат.

Такого рода штатная эквилибристика широко практикуется. И. И. Марц и В. С. Юрьев, выполняющие обя-

занности инженера и энергетика в ТПИ, зачислены на высокие должностные оклады начальников служб в НИИ электронной интроскопии. А. А. Кустова, работающая в ТПИ экономистом, числится в НИИ старшим механиком. В свою очередь инженер НИИ В. Д. Каратаев состоит в штатах ТПИ, а В. А. Суворин, «проведенный» старшим инженером НИИ, трудится в научном отделе ТПИ. Список этот можно продолжать бесконечно.

Так вот об этике. Не испытывает ли руководитель научного коллектива чувства неловкости перед своими коллегами, когда в обход штатной дисциплины использует свои авторитет, свое положение для создания привилегированных условий своим сотрудникам? Не испытывает ли профессор и орудов чувством неловкости, когда так щедро распределяет фонды зарплат своего института среди людей, не имеющих отношения к планам научно-исследовательской работы НИИ, без ведома руководителей секторов, ответственных за расходование средств по хозяйственным, закрепленным за ними?

Я не хотел бы снова и снова употреблять сильные выражения о законности, дисциплине. Думается, что партком ТПИ, партбюро НИИ дадут нужную оценку этим явлениям. Но нельзя не сказать, что люди, получающие зарплату в точном соответствии со штатным расписанием, несущие львиную долю работы по выполнению планов научных исследований, из-за того, что фонды зарплат улетучиваются по многочисленным каналам, часто незаслуженно лишаются премий, других поощрений.

О. В. Соколов, секретарь партбюро НИИ, почти все время присутствовал, когда на свет вытаскивались один за другим многочисленные факты, часть из которых здесь приведена. По этому чувствовалось, что эти факты серьезно встревожили его, хотя, признаться, его принципиальной оценки услышать еще не довелось. Оценки такой, которая позволила бы оздоровить обстановку в институте.

НИИ электронной интроскопии — молодой научный коллектив, только создающий свои традиции. Увы, зачастую в эти традиции переносится многое из худших наслоений, которые давно пора сдать в архив. В научно-исследовательском институте не введены еще совершенно обязательные регламентации — административные, научные, финансовые. По этим причинам верх порой берут соображения, продиктованные «шкалой элитности», а не государственными интересами. Странный порядок оформления совместителей, забвение прав руководителей секторов, отсутствие контроля в расходованиях материалов, расплывчатое положение о премировании — все это требует принципиальной оценки и настойчивой работы партийной организации, призванной навести в коллективе порядок, достойный советского научно-исследовательского учреждения.

А. БРУСКИН.